КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

ДВѢ БЫЛИНЫ

Память народа нашего коротка — въ этомъ упрекаютъ его не безъ основанія: рѣдко и мало можно услышать у него историческихъ преданій, особенно преданій древнихъ. Но есть небольшое число замѣчательныхъ лицъ минувшихъ вѣковъ, лицъ, обратившихся въ баснословныя видѣнія и живущихъ въ памяти народной въ–теченіе нѣсколькихъ вѣковъ: сюда принадлежитъ, изъ самыхъ древнихъ, Владиміръ князь, а затѣмъ и Грозный–царь. Чѣмъ рѣже сказочныя преданія эти попадаются въ народѣ, тѣмъ большаго они заслуживаютъ вниманія, тѣмъ болѣе должны мы стараться объ отъисканіи и сохраненіи ихъ. Вотъ двѣ былины такого рода: одна о временахъ Владиміра, записана съ крестьянскаго разсказа въ Тамбовской Губерніи; другая — о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, Архангельской Губерніи.

Во времена князя, красна–солнышка Владиміра, появился около Кіева страшный змѣй и бралъ онъ съ народа поборы не малые: съ каждаго двора по красной дѣвкѣ, съ дыму по ягодкѣ; а какъ возьметъ дѣвку съ череднаго двора, такъ и съѣстъ ее — и поминъ простылъ. Въ такую бѣдовую годину горе всѣхъ уравняло: что жилецъ, что стрѣлецъ, что гость, что бояринъ, что посадникъ, что самъ царь–великій князь — все одно: никому не миновать, что змѣю–людоѣду покориться, красной дочерью поклониться; на кого жребій покажетъ, съ того и поборъ.

Вотъ и пришелъ чередъ идти къ тому змѣю поганому на съѣденіе самой царской дочери — и пошла. Схватилъ змій царевну и потащилъ къ себѣ въ берлогу. Взвылъ народъ голосомъ; то каждый плакалъ по своей, а тутъ всѣмъ міромъ воздохнули по царевнѣ. Всѣ думаютъ: пропала дочь нашего краснаго солнышка — теперь ужь нѣтъ ее на свѣтѣ: змѣй съѣлъ; но змѣй не сталъ ее ѣсть: красавица собой была, какой

на свѣтѣ нѣтъ другой, такъ приберегъ, да за жену себѣ взялъ, такъ и живетъ.

Полетитъ онъ, змѣй поганый, на свои людоѣдные промыслы, а царевну завалитъ въ берлогѣ бревнами, чтобъ безъ него куда не ушла. А у той царевны маленька собачка была, увязалась за нею изъ дому царскаго, да съ нею въ берлогѣ и живетъ. Вотъ и напишетъ, бывало, царевна грамотку батюшкѣ любезному съ матушкой, навяжетъ собачкѣ этой на шею и махнетъ, заплакавъ, рукой, а та побѣжитъ, да прямо въ теремъ царскій, у воротъ поскребетъ, залаетъ, стражники тотчасъ ворота отпираютъ, собачку принимаютъ, ведутъ на пресвѣтлыя очи княжескія и царскія: царь и царица прочитаютъ, помолятся, что дочь еще жива у нихъ, поплачутъ, что сгубилась за чудищемъ, змѣемъ–людоѣдомъ, отвѣтную грамотку собачкѣ на шею повѣсятъ, та и бѣжитъ прямо въ берлогу зміиную, да тайкомъ отъ поганаго чудища къ царевнѣ своей тишкомъ да молчкомъ проползетъ, а та и отвяжетъ опять грамотку и вѣсточку разберетъ и сердце и душу отведетъ.

Вотъ и пишутъ разъ царь съ царицей къ царевнѣ своей такъ: «Узнай–де, кто сильнѣе змѣя». Царевна и догадалась, къ–чему это дѣло пошло и стала попривѣтливѣй къ своему лютому врагу, стала у него, по женскому обычаю, допытываться, кого онъ боится, кого не боится и кто его сильнѣй. Тотъ, хоть и ластится, а долго не говорилъ; однако, противъ женской пытки устоять трудно; онъ разъ какъ–то и проговорился, что «есть на свѣтѣ одинъ только человѣкъ, котораго я боюсь, да онъ и самъ силы своей не знаетъ, такъ онъ мнѣ и не страшенъ, кабы только кто его не надоумилъ: живетъ, вишь, въ городѣ престольномъ, въ Кіевѣ, мужикъ Кожемяка, такъ этотъ силенъ, и страхъ силенъ, такъ–что съ нимъ возиться и мнѣ не подъ–силу. Кабы у него была дочь, да досталось бы ей по жеребью ко мнѣ, такъ, чай, Кожемяка и не отдалъ бы, а мнѣ бы за лиху бѣду стало, и самъ бы не зналъ что дѣлать».

Какъ узнала про это царевна, такъ въ ней сердце взыграло. Выждала она, чтобъ змѣй улетѣлъ на свои людоѣдные

промыслы, скорѣе позвала вѣрную свою собачку, написала записочку: «Сыщите, батюшка, въ городѣ престольномъ въ Кіевѣ мужика Никиту Кожемяка, да пошлите его меня изъ неволи высвободить». И навязала грамотку собачкѣ на шею и махнула бѣлой рукой. Собачка проползла между колодами, которыми змѣй завалилъ входъ въ берлогу, побѣжала прямо въ теремъ царскій и принесла царю желанную вѣсть.

Царь приказалъ съискать Никиту Кожемяка и самъ пошелъ, и съ царицею, просить его, чтобъ онъ опросталъ его землю отъ лютаго змѣя–лодоѣда и освободилъ бы царевну. А въ ту пору Никита Кожемяка (держалъ онъ въ рукахъ двѣнадцать кожъ), какъ увидалъ онъ, что къ нему во дворъ пришелъ самъ царь великій князь, сробѣлъ, задрожалъ со страху, руки у него затряслись, онъ и разорвалъ за одинъ разъ тѣ двѣнадцать воловьихъ кожъ; да сколько ни упрашивали его царь съ царицей, не пошелъ онъ супротивъ того змѣя: «Ты видишь», говоритъ онъ пресвѣтлому князю: «я человѣкъ смирный, робкій; не могу я

противъ змѣя того бороться, не мужицкое это дѣло ».

Вотъ и созвалъ царь думцевъ своихъ и приказалъ имъ надуматься, какъ быть и какъ упросить Никиту, чтобъ пошелъ онъ на змѣя; а побить онъ его сможетъ: самъ змѣй объ этомъ проговорился. И придумали собрать пять тысячъ малолѣтныхъ дѣтей и послать ихъ просить Никиту Кожемяка, авось на ихъ слезы сжалобится. Пришли малыя дѣти несметной толпой на дворъ Никиты Кожемяка, стали всѣ на колѣни и ну просить со слезами, чтобъ шелъ супротивъ змѣя; дѣвочки всѣ плачутъ, говорятъ: «дядюшка Никита, спаси, не дай намъ подрости да пропасть; покуда мы вотъ малы, такъ ходимъ и бѣгаемъ–себѣ и горя не знаемъ, а какъ только которая изъ насъ подростетъ, такъ не на радость отца–матери, а на гибель свою, на смерть лютую отъ змѣя поганаго, людоѣда». Ребятишки тоже плачутъ, кричатъ: «Дядюшка Никита, и встать передъ тобой не встанемъ, и съ мѣста не сойдемъ, и съ широкаго двора твоего не выйдемъ, покуда не скажешь намъ, что пойдешь побить чудище лютое; у

всѣхъ у насъ сестрицы есть, у всѣхъ у насъ, какъ подростемъ, невѣсты будутъ, да не на радость намъ и родителямъ, на плачъ и горе, на съѣденіе змѣя–людоѣда!»

Прослезился и самъ мужикъ Никита Кожемякъ, на ихъ слезы глядя. «Что жь, говоритъ, пусть проглотитъ меня, коли не подавится: авось ловко повернусь, такъ и въ глоткѣ его коломъ стану. На васъ глядѣть мнѣ за бѣду стало. Подите прочь, такъ я и на змѣя пойду».

Взялъ Никита триста пудовъ пеньки, свилъ всѣ въ одинъ плетежокъ, да насмолилъ его смолой, и смолы пенька приняла триста пудовъ; обмотался онъ весь плетежкомъ этимъ, чтобъ не съѣлъ его змѣй, не исчавкалъ его за одинъ разокъ, и пошелъ на него.

Подходитъ Никита Кожемяка къ берлогѣ змѣиной, а змѣй увидалъ его, поджалъ хвостъ и заперся и не выходитъ къ нему. «Выходи, братъ, лучше въ чистое поле!» гаркнулъ Никита Кожемяка: «не то и берлогу твою размечу на вѣтеръ, всю». Да и сталъ–было приниматься за работу, колоду за колодой, какъ лучинки,

вытаскивать, чрезъ себя перекидывать. Змѣй видитъ бѣду неминучую, что хуже въ берлогѣ задушитъ его Никита, и вышелъ къ нему въ чистое поле.

Долго ли, коротко ли бился со змѣемъ Никита, только повалилъ его въ рукопашную; тутъ змѣй взмолился ему: «Не бей меня до смерти, Никитушка: сильнѣй насъ съ тобой на свѣтѣ нѣтъ; останемся мы жить съ тобой, такъ–что добра не сдѣлаемъ, а худа не увидимъ: раздѣлимъ мы съ тобой всю землю, весь свѣтъ по–ровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, я въ другой; ни тебѣ ни мнѣ обидно не будетъ». — «Ладно» сказалъ Никита Кожемяка: «такъ надо намъ поперегъ всей земли межу проложить; протащишь ли соху?» — «Протащу» сказалъ змѣй. Вотъ Никита и выковалъ сошникъ въ триста пудовъ и сдѣлалъ по немъ соху, запрягъ змѣя, да и сталъ изъ–подъ Кіева межу пропахивать: такъ и провелъ онъ борозду отъ Кіева до самаго до моря.

Запыхался змѣй и изнудился; радъ, что службѣ его пришелъ конецъ. «Ну»

говоритъ онъ Никитушкѣ: «теперь мы съ тобой всю землю подѣлили: которая половина будетъ твоя, которая моя?» — «Землю раздѣлили» проговорилъ Никита, а самъ змѣя изъ сохи не выпускаетъ: «да еще не раздѣлили моря; теперь тащи соху по морю, давай и его межевать, а то ты скажешь послѣ, что твою воду берутъ».

Нечего дѣлать змѣю, поволокъ змѣй соху по синему морю; самъ плыветъ, самъ голову гребенчатую подымаетъ, кругомъ озирается, скоро ли тому морю конецъ. Какъ въѣхали они на самую средину моря, такъ Никита Кожемяка убилъ того змѣя и утопилъ его въ морѣ.

Про царскую дочь и говорить нечего, что освободилась она и стала жить да поживать въ терему у батюшки. А борозда эта осталась и понынѣ: она была глубиной въ двѣ сажени, а въ отвалѣ на столько жь вышины; сколько сотъ лѣтъ прошло, а борозду все знать, только помаленьку осыпается. И вокругъ пашутъ, по обѣ стороны, а ее не трогаютъ; а кто не знаетъ этого дѣла, тотъ называетъ борозду эту

валомъ, а для чего и кѣмъ такой валъ сдѣланъ — не говорятъ.

Никита Кожемяка, сдѣлавъ святое дѣло, за трудъ не взялъ ничего; онъ опять пошелъ, попрежнему, кожи мять.

Когда царствовалъ царь Иванъ Васильевичъ, царь Грозный, то литовцы задумали взять Москву. Какъ тутъ быть, сила не беретъ, такъ пойти на хитрости: не волчій зѣвъ, такъ лисій хвостъ. Вотъ они и купили бояръ царскихъ, а тѣ и подали царю облыжную жалобу на новгородцевъ, что они–де смутные, непокорные люди, противъ царской власти бунтуютъ, только того и смотрятъ, гдѣ бы и какъ бы причинить измѣну; и уговорили царя пойти самому смирять ихъ. Царь и взялъ съ собой губниковъ, да палачей московскихъ, Малюту, сына Скуратова, и другихъ, и отправился смирять новгородцевъ.

Вотъ царь Иванъ Васильевичъ чинитъ судъ страшный и расправу жестокую въ Новѣгородѣ, а литовцы тѣмъ часомъ подошли и накрыли Москву и заняли ее, и

правятъ съ нея окупа серебра и золота возами.

Въ одну ночь лежитъ Грозный царь въ опочивальнѣ своей, утомившись кровавыми казнями невинныхъ новгородцевъ. Не можетъ онъ соснуть, не можетъ глазъ сомкнуть, и видитъ не во снѣ, а въявь: подходитъ къ ложу его могучій воинъ, и опозналъ онъ въ воинѣ этомъ Заневскаго.

— Чего хочешь, прошепталъ испуганный царь: — покланяюсь тебѣ, а самъ лежитъ, сложа руки на груди, и смотритъ.

— Что спишь, царь Иванъ, сказалъ воинъ: на вдовѣ твоей сватается женихъ незваный; она безъ тебя не знаетъ идти ли?

Не понялъ Грозный царь словъ посланника; ночь прошла, страхъ прошелъ; на утро пошли опять тѣ же убійства, тѣ же кары и казни. Пришла ночь; ослѣпленный клеветою крамольныхъ бояръ, измученный дневными казнями, царь легъ опять на ложе свое, но его опять взялъ страхъ, онъ будто чего–то ждалъ. Въ полночь тотъ же посолъ и тѣ же слова: «Царь, на вдовѣ твоей сватается женихъ; она безъ тебя не знаетъ, идти ли ей, нѣтъ ли?»

Долго лежалъ бѣдный царь не смыкая глазъ, все глядѣлъ на то мѣсто, гдѣ стоялъ грозный воинъ; давно уже не было его, но это не сонъ, царь не спитъ и не спалъ; это то же, что было вчера; и вчера ночью не спалъ онъ, а видѣлъ и слышалъ живыми очами своими и ушами. Заснулъ ли, нѣтъ ли царь къ утру — про то вѣдаетъ одинъ Богъ; а какъ день насталъ, такъ опять губники съ палачами принялись за работу, а грозный царь давалъ судъ и рядъ и самъ отбиралъ подъ пыткой допросы. Страшно стало ему, когда увидѣлъ, что и этотъ день уже вечеряетъ, что пора на покой, хоть палачамъ. Ушелъ Иванъ Васильевичъ въ почивальню свою, опять легъ, и опять ждетъ гостя.

— Царь Иванъ, сказалъ воинъ, который на этотъ разъ былъ страшнѣе прежняго и такъ свѣтелъ, что царь не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза: — я говорю тебѣ въ послѣднiй разъ, иди спасать свою вдовицу: виновные у тебя радуются, невинные плачутъ; страшись гнѣва Господня: бояре продали тебя, продали твою Москву, продали Русь; иди и казни виновныхъ; тамъ

вдова твоя, тамъ она молитъ тебя о помощи, а не здѣсь; тутъ молятъ о пощадѣ, а ты ея не даешь.

Царь на этотъ разъ посадилъ въ почивальню своихъ трехъ близкихъ бояръ; когда воинъ изникъ на мѣстѣ, то Иванъ Васильевичъ, собравшись съ силами, перевелъ духъ и спросилъ: «видѣли?» Бояре смотрѣли на царя, не понимая словъ его: они не видѣли ничего. «Ну такъ слышали?» — Нѣтъ, не слыхали ничего; только голосъ пронесся въ открытое окно, словно кто вдалекѣ простоналъ.

Иванъ Васильевичъ сѣлъ, замолкъ и долго смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ уже въ третій разъ показалось ему загадочное видѣніе. Онъ вдругъ вскочилъ, велѣлъ въ ту же ночь всѣмъ подыматься, самъ прянулъ на богатырскаго коня своего и поскакалъ къ сирой вдовицѣ своей, Москвѣ–бѣлокаменной. Избавя и выпроводивъ изъ нея незваныхъ гостей, литовцевъ, онъ казнилъ продажныхъ бояръ, которые такъ коварно его обманули, засаженныхъ въ темницы новгородцевъ всѣхъ приказалъ выпустить на свободу, а

тѣхъ, которые уже были имъ замучены и казнены — поминать въ синодикахъ.

В. ДАЛЬ